

Ганс Христиан Андерсен.

1
ДИКІЕ
ЛЕБЕДИ

алеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочь, которую звали Элизой. Одиннадцать братьев-принцев уже ходили в шко-

лу; у каждого на груди блистала звезда и у левого бока гремела сабля. Принцы писали алмазными грифелями на золотых досках и отлично умели читать — и по книжке и без книжки, на память. Конечно, так хорошо читать могли только настоящие принцы. Пока принцы учились, сестра их Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, которая стояла полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям! Но скоро всё пошло по-другому.

Умерла их мать, и король женился снова. Мачеха была злая колдунья и невзлюбила бедных детей. В первый же день, когда во дворце праздновали свадьбу короля, дети почувствовали, какая злая у них мачеха. Они затеяли игру в гости и попросили королеву дать им пирожных и печёных яблок, чтобы накормить своих гостей. Но мачеха дала им чайную чашку простого песка и сказала:

— Хватит с вас и этого!

Прошла ещё неделя, и мачеха задумала избавиться от Элизы. Она отправила её в деревню к каким-то крестьянам на воспитание. А потом злая мачеха стала наговаривать королю на бедных принцев и насаждала столько дурного, что король не захотел больше и видеть своих сыновей.

И вот королева велела позвать принцев, и, когда они приблизились к ней, она крикнула:

— Пусть каждый из вас превратится в чёрного ворона! Летите прочь из дворца и сами добывайте себе пропитание!

Но ей не удалось довести до конца своё злое дело. Принцы превратились не в безобразных воронов, а в красивых диких лебедей. С криком вылетели они из окон дворца и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда одиннадцать лебедей пролетали мимо хижины, где спала ещё крепким сном их сестрица Элиза. Они долго летали над крышей, вытягивая свои гибкие шеи и хлопая крыльями, но никто их

не слышал и не видел. Так и пришлось им улететь дальше, не повидав своей сестры. Высоко-высоко, к самым облакам, взвились они и полетели в большой тёмный лес, который тянулся до самого моря.

А бедняжка Элиза осталась жить в крестьянской хижине. Целые дни она играла зелёным листочком — других игрушек у неё не было; она проткнула в листочке дырочку и смотрела сквозь неё на солнце — ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев.

Дни шли за днями. Порой ветер колыхал розовые кусты, распустившиеся возле дома, и спрашивал у роз:

— Есть ли кто-нибудь красивее вас?

И розы, качая головками, отвечали:

— Элиза красивее нас.

И вот наконец Элизе минуло пятнадцать лет, и крестьяне отослали её домой во дворец.

Королева увидела, как прекрасна её падчерица, и ещё больше возненавидела Элизу. Злой мачехе хотелось бы превратить Элизу, как и её братьев, в дикого лебедя, но этого она не могла сделать: король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в свою мраморную купальню, всю разубранную чудесными коврами и мягкими подушками. В углу купальни сидели три жабы. Королева взяла их в руки и поцеловала. Потом она сказала первой жабе:

— Когда Элиза войдёт в купальню, сядь ей на голову — пусть она сделается такой же тупой и ленивой, как ты.

Другой жабе королева сказала:

— А ты прыгни Элизе на лоб — пусть она станет такой же безобразной, как ты. Тогда и родной отец её не узнает... Ну, а ты ляг ей на сердце, — шепнула королева третьей жабе, — пусть она станет злой, чтобы никто её не любил.

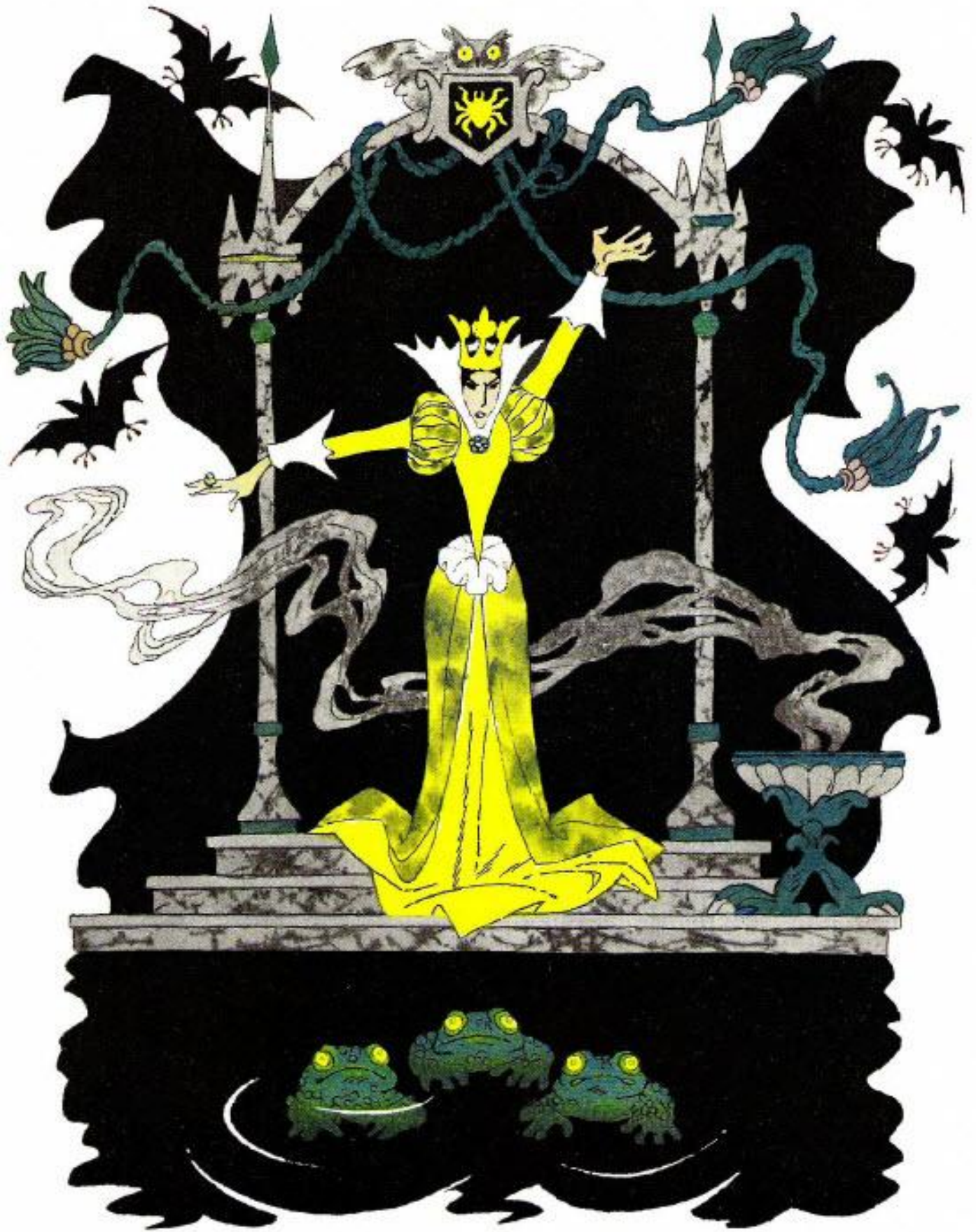
И королева бросила жаб в прозрачную воду. Вода тотчас же стала зелёной и мутной. Королева позвала Элизу, раздела её и велела ей войти в воду. Как только Элиза ступила в воду, одна жаба прыгнула ей на темя, другая на лоб, а третья на грудь. Но Элиза даже не заметила этого. А три жабы, прикоснувшись к Элизе, превратились в три красных мака. И Элиза вышла из воды такой же красивой, как и вошла.

Тогда злая королева натёрла Элизу соком грецкого ореха, и бедная Элиза стала совсем чёрной. А потом мачеха вымазала ей лицо вонючей мазью и спутала её чудные волосы. Теперь никто бы не мог узнать Элизу. Даже отец, взглянув на неё, испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не узнавал Элизу. Только старая цепная собака с приветливым лаем бросилась к ней, да ласточки, которых она часто кормила крошками, прощепетали ей свою песню. Но кто же станет обращать внимание на бедных животных?

Горько заплакала Элиза и тайком ушла из дворца. Целый день брела она по полям и болотам, пробираясь к лесу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда ей идти. Она всё думала о братьях, которых злая мачеха тоже выгнала из родного дома. Элиза решила искать их повсюду, пока не найдёт.

Когда Элиза добралась до леса, уже настала ночь, и бедная девушка совсем сбилась с дороги. Она опустилась на мягкий мох, а голову положила на пенёк. В лесу было тихо и тепло. Сотни светлячков, точно зелёные огоньки, мелькали в траве, а когда Элиза задела рукой за кустик, какие-то блестящие жучки посыпались с листьев звёздным дождём.

Всю ночь снились Элизе братья: все они опять были детьми, вместе играли,

писали алмазными грифелями на золотых досках и рассматривали чудесную книжку с картинками, за которую отдано было полкоролевства. Картинки в книжке были живые: птицы распевали, и люди выскакивали со страниц и разговаривали с Элизой и её братьями; но как только Элиза переворачивала страницу, люди прыгали обратно — иначе в картинках вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнце стояло уже высоко; она даже не могла

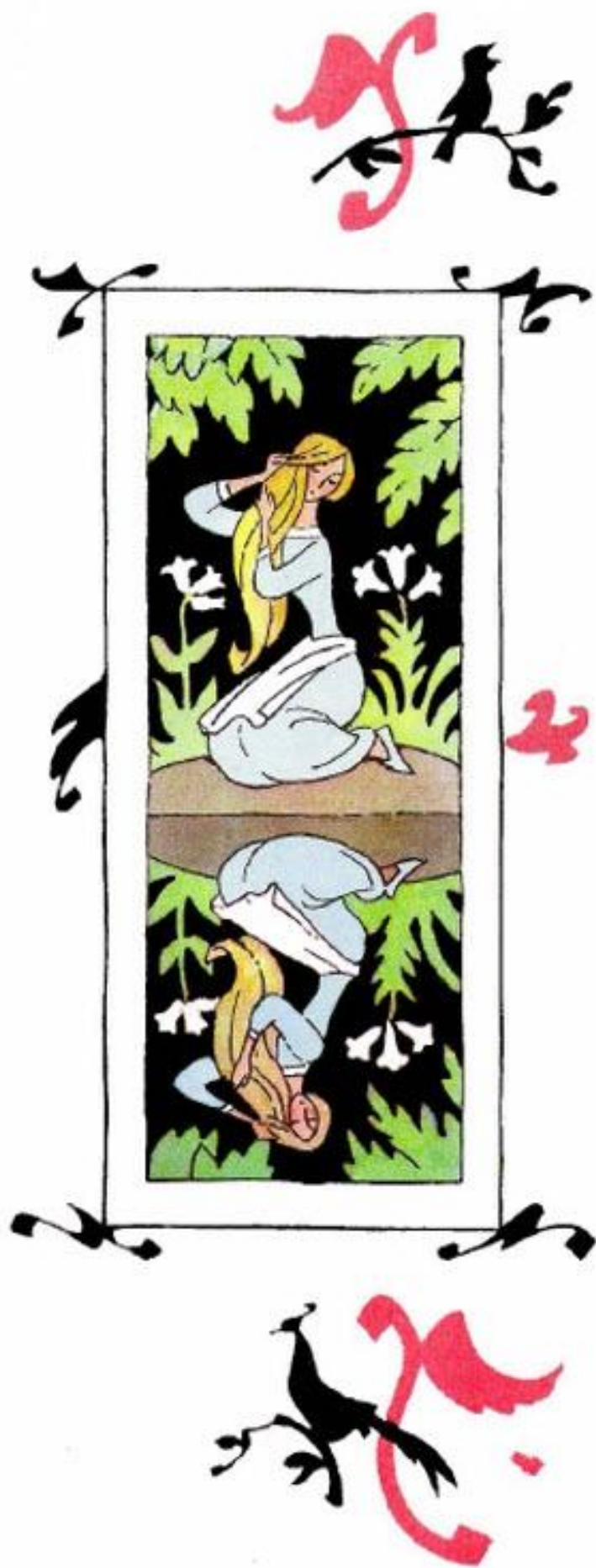
хорошенько разглядеть его за густой листвою деревьев. Только иногда солнечные лучи пробивались между ветвями и бегали золотыми зайчиками по траве. Невдалеке слышалось журчание ручейка. Элиза подошла к ручейку и нагнулась над ним. Вода была чистая и прозрачная. Если бы не ветер, шевеливший ветвями деревьев и кустов, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на дне ручейка — так ясно они отражались в спокойной воде.

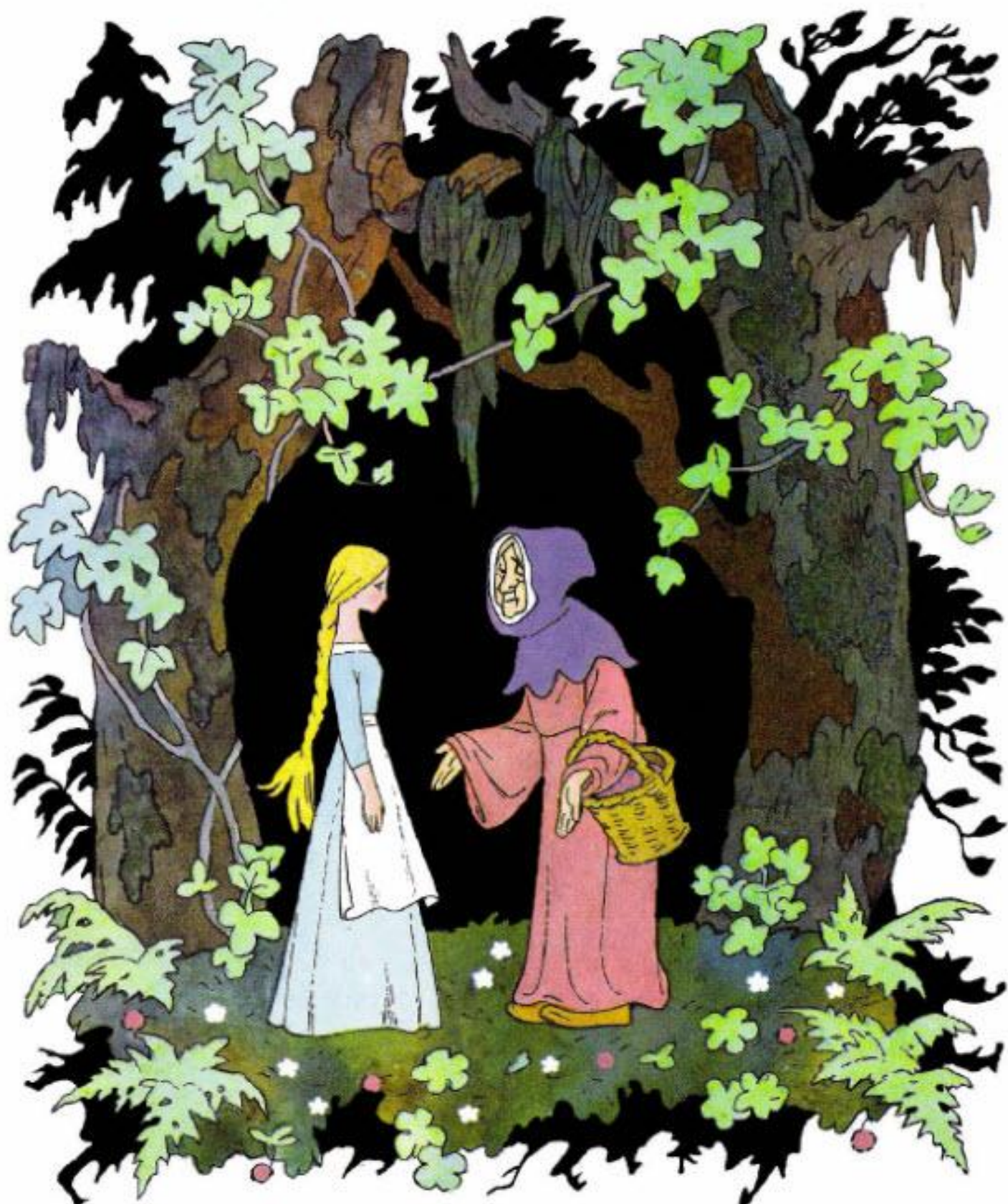

Элиза увидела в воде своё лицо и очень испугалась — такое оно было чёрное и безобразное. Но вот она зачерпнула рукой воды, потёрла глаза и лоб, и лицо у неё опять стало белым, как прежде. Тогда Элиза разделась и вошла в прохладный, чистый ручей. Вода тотчас же смыла с неё сок грецкого ореха и вонючую мазь, которой натёрла Элизу мачеха.

Потом Элиза оделась, заплела в косы свои длинные волосы и пошла дальше по лесу, сама не зная куда. По дороге она увидела дикую яблоню, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Элиза поела яблок, подпёрла ветви палочками и пошла дальше. Скоро она зашла в самую чащу леса. Ни одна птичка не залетала сюда, ни единый солнечный луч не проникал сквозь перепутанные ветви. Высокие стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатые стены. Кругом было так тихо, что Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршание каждого сухого листка, попадавшего ей под ноги. Никогда ещё Элиза не бывала в такой глуши.

Ночью стало совсем темно, даже светлячки не светили во мху. Элиза улеглась на траву и заснула.

Рано утром она отправилась дальше и вдруг встретила старушку с корзинкой ягод. Старушка дала девушке горсточку ягод, а Элиза спросила её, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

— Нет, — сказала старушка, — принцев я не встречала, но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река. Элиза простилась со старушкой и пошла по берегу.

Долго шла Элиза, и вдруг перед нею открылось безбрежное море. Ни одного паруса не было видно на море, ни одной лодочки не было поблизости.

Элиза села на камень у самого берега и задумалась: что же ей делать, куда идти дальше?

К ногам Элизы подбегали морские волны, они несли с собой мелкие камешки. Вода стёрла острые края камешков, и они были совсем гладкие и круглые.

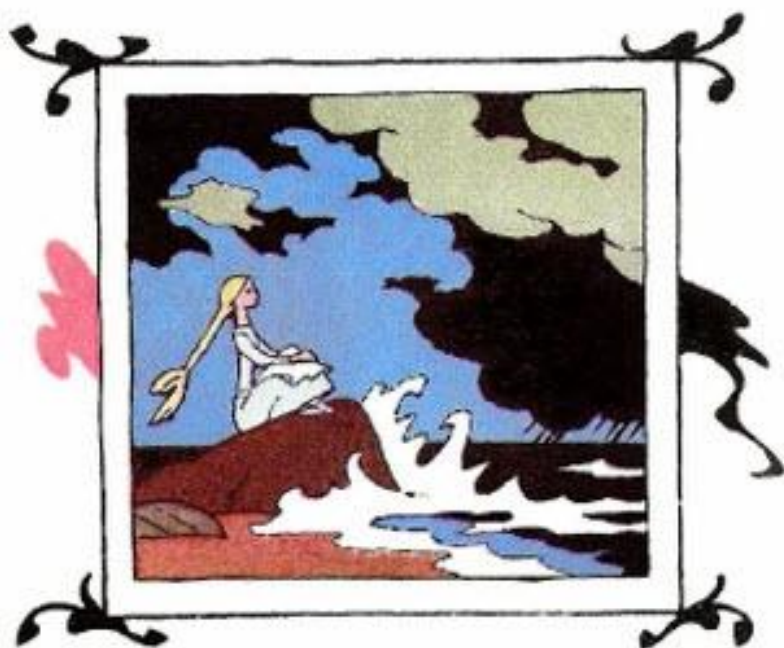
И девушка подумала: «Сколько труда нужно, чтобы твёрдый камень сделать гладким и круглым! А вода делает это. Море неустанно и терпеливо катит свои волны и побеждает самые твёрдые камни. Спасибо вам за то, что вы научили меня, светлые быстрые волны! Я буду, как вы, неустанно трудиться. Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесёте меня к моим милым братьям!»

На берегу среди сухих водорослей Элиза нашла одиннадцать белых лебединых перьев. На перьях ещё блестели капли — росы или слёз, кто знает? Вокруг было пустынно, но Элиза не чувствовала себя одинокой. Она смотрела на море и не могла насмотреться.

Вот надвигается на небо большая чёрная туча, ветер крепчает, и море тоже чернеет, волнуется и бурлит. Но туча проходит, по небу плывут розовые облака, ветер стихает, и море уже спокойно, теперь оно похоже на лепесток розы. Иногда становится оно зелёным, иногда белым. Но как бы тихо ни было в воздухе и как бы спокойно ни было море, у берега всегда шумит прибой, всегда заметно лёгкое волнение — вода тихо вздымается, словно грудь спящего ребёнка.

Когда солнце близилось к закату, Элиза увидела диких лебедей. Как длинная белая лента, летели они один за другим. Их было одиннадцать. На голове у каждого лебедя сверкала маленькая золотая корона. Элиза отошла к обрыву и спряталась в кусты. Лебеди спустились неподалёку от неё и захлопали своими большими белыми крыльями.

В эту минуту солнце скрылось под водой — и вдруг с лебедей упали их белые перья, и уже не одиннадцать лебедей стояли перед Элизой, а одиннадцать красавцев принцев.

Элиза громко вскрикнула — она сразу узнала братьев, хотя за эти долгие годы они очень изменились. Элиза бросилась в их объятия и стала называть их по именам.

Братья очень обрадовались тому, что нашли сестрицу, которая так выросла и стала такой красивой. Элиза и её братья смеялись и плакали, а потом они рассказали друг другу обо всём, что с ними случилось.

Самый старший сказал Элизе:

— Мы летаем дикими лебедями весь день, от восхода солнца до самого заката. Когда же солнце заходит, мы превращаемся снова в людей. И вот к часу солнечного заката мы спешим опуститься на землю. Если бы мы превратились в людей в то время, когда летим высоко под облаками, мы тотчас же упали бы на землю и разбились. Живём мы не здесь. Далекотдалеко за морем лежит такая же прекрасная

страна, как эта. Вот там-то мы и живём. Но дорога туда длинна; надо перелететь через всё море, а по пути нет ни одного острова, где бы мы могли провести ночь. Лишь на самой середине моря высится одинокий утёс. Он так мал, что мы можем стоять на нём, только тесно прижавшись друг к другу. Когда море бушует, брызги волн перелетают через наши головы. Но если бы не было этого утёса, нам никогда не удалось бы побывать на нашей родной земле: море широко, мы не можем перелететь через него от восхода до заката солнца. Только два раза в год, в самые длинные

дни, наши крылья в силах перенести нас через море. И вот мы прилетаем сюда и живём здесь одиннадцать дней. Мы летаем над этим большим лесом и глядим на дворец, где мы родились и провели детство. Он хорошо виден отсюда. Тут каждый куст и каждое дерево кажутся нам родными. По зелёным лугам бегают дикие лошади, которых мы видели ещё в детстве, а угольщики поют те самые песни, которые мы слышали, когда жили ещё в родном дворце. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! В этот раз мы пробыли здесь уже девять дней. Через два дня мы должны улететь за море, в прекрасную, но чужую страну. Как же нам взять тебя с собою? У нас нет ни корабля, ни лодки.

— О, если бы я могла освободить вас от чар! — сказала братьям Элиза.

Так они проговорили почти всю ночь и задремали только перед самым рассветом.

Элиза проснулась от шума лебединых крыльев. Братья опять стали птицами и полетели в родной лес. Только один лебедь остался на берегу с Элизой. Это был младший из её братьев. Лебедь положил голову ей на колени, а она

гладила и перебирала его пёрышки. Целый день провели они вдвоём, а к вечеру прилетели десять лебедей, и когда солнце село, вновь превратились в принцев.

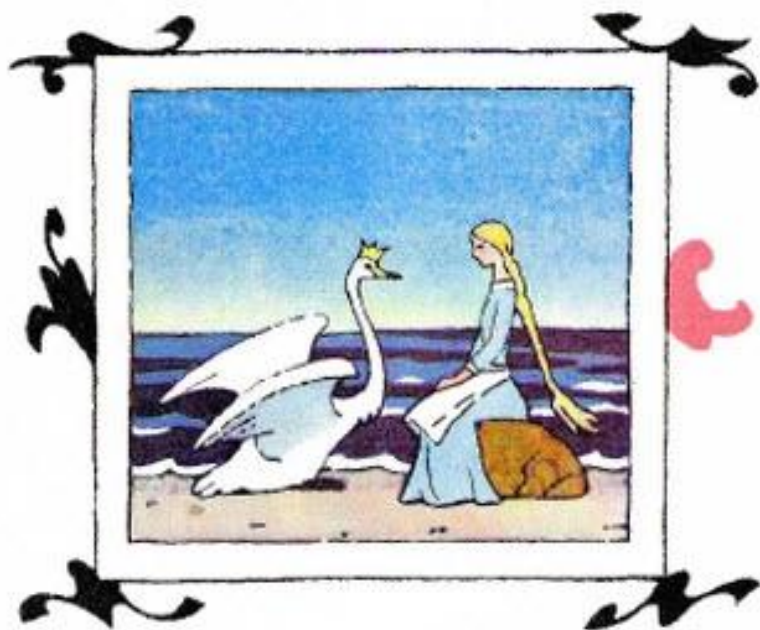
— Завтра мы должны улететь и не посеем вернуться раньше будущего года, — сказал Элизе старший брат, — но мы не покинем тебя здесь. Полетим с нами! Я один на руках могу пронести тебя через весь лес, так неужели мы, все одиннадцать, на наших крыльях не сможем перенести тебя через море?

— Да, возьмите меня с собой! — сказала Элиза.

Всю ночь плели они сетку из гибкой ивовой коры и тростника. Сетка вышла большая и прочная, и братья положили в неё Элизу. И вот на восходе солнца десять лебедей подхватили сетку клювами и взвились под облака. Элиза спала в сетке сладким сном. А чтобы лучи солнца не разбудили её, одиннадцатый лебедь летел над её головой, защищая лицо Элизы от солнца своими широкими крыльями.

Лебеди были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, — так странно было ей лететь по воздуху.

Возле неё лежала ветка со спелыми ягодами и пучок вкусных кореньев — их собрал и положил Элизе самый младший брат, и Элиза улыбнулась ему — она догадалась, что это он летел над ней и защищал ее от солнца своими крыльями.

Лебеди летели так стремительно, как летят стрелы, пущенные из лука, но всё-таки не так быстро, как всегда: ведь на этот раз они несли сестру. День стал клониться к вечеру, и зашумела непогода. Элиза со страхом глядела, как солнце опускалось всё ниже и ниже, а одинокого морского утёса всё ещё не было видно. И вот Элизе показалось, что лебеди уже совсем устали и с трудом машут крыльями. Зайдёт солнце, её братья на лету обратятся в людей, упадут в море и утонут. И она будет этому виной!

Приближалась чёрная туча, сильные порывы ветра предвещали бурю, грозно сверкала молния. Сердце Элизы затрепетало: солнце уже почти касалось воды.

И вдруг лебеди устремились вниз со страшной быстротой. Элизе показалось, что они падают. Но нет, они ещё летели. И вот, когда солнце уже наполовину ушло в воду, Элиза увидела внизу утёс. Он был очень маленький, не больше тюленя, высунувшего из воды голову. Лебеди ступили на камни утёса в ту самую минуту, когда погас в воздухе последний луч солнца. Элиза увидела вокруг себя братьев, стоявших рука об руку; они едва умещались на крошечном утёсе. Море бешено билось о камни и окатывало братьев и Элизу целым дождём брызг. Небо пылало от молний, и ежеминутно грохотал гром, но сестра и братья держались за руки и ободряли друг друга ласковыми словами.

На заре буря улеглась, и опять стало ясно и тихо. Как только взошло солнце, братья с Элизой полетели дальше. Море ещё волновалось, и они видели с высоты, как белая пена плыла, точно миллионы лебедей, по тёмно-зелёной воде.

Когда солнце поднялось выше, Элиза вдруг увидела вдали огромный замок, окружённый лёгкими, словно воздушными, галереями; внизу, под стенами замка, колыхались пальмы и росли прекрасные цветы.

Элиза спросила, та ли это страна, куда они летят, но лебеди покачали головами: это был только призрачный, вечно изменяющийся облачный замок Фата-Морганы.

Элиза опять посмотрела вдаль, но замка уже не было. Там, где раньше был замок, поднимались высокие горы, поросшие густым лесом. На самых вершинах гор сверкал снег, глыбы прозрачного льда спускались между неприступными скалами.

Вдруг горы превратились в целую флотилию кораблей; Элиза вгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, подымавшийся над водой.

Но вот наконец показалась и настоящая земля. Там, на берегу, расстилались зелёные поля, темнели кедровые леса, а вдали виднелись большие города и высокие замки. До заката солнца было ещё далеко, а Элиза уже сидела на скале перед глубокой пещерой. По стенам пещеры вились нежно-зелёные растения, как

будто вышитые зелёные ковры. Это был прекрасный дом её братьев-лебедей.

— Посмотрим, что приснится тебе в эту ночь, — сказал младший брат и отвёл Элизу в её опочивальню.

— Ах, если бы я увидела во сне, как освободить вас от чар! — сказала Элиза и закрыла глаза.

И вот ей пригрезилось, что она летит высоко-высоко к тому замку, который она

видела над морем. А из замка навстречу ей выходит фея Фата-Моргана. Фата-Моргана светла и прекрасна, но в то же время удивительно похожа на ту старушку, которая дала Элизе в лесу ягод и рассказала о лебедях в золотых коронах.

— Твоих братьев можно спасти, — сказала Фата-Моргана, — но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих нежных рук, и всё-таки она делает камни гладкими и круглыми, но вода не чувствует

боли, которую будут чувствовать твои пальцы; у воды нет сердца, которое сжимается от страха и муки, как твоё сердце. Видишь, у меня в руках крапива. Такая же крапива растёт здесь возле пещеры, и только она да ещё та крапива, которая растёт на кладбище, может тебе пригодиться. Запомни же это! Нарви крапивы, хотя руки твои покроются волдырями от ожогов; потом разомни её ногами и свей из неё длинные нити. Из этих нитей сплети одиннадцать рубашек с длинными рукавами и, когда они будут готовы, набрось их на лебедей. Чуть только рубашки коснутся их перьев, колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнёшь свою работу, и до тех пор, пока не окончишь её, ты не должна говорить ни слова, хотя бы работа твоя длилась целые годы. Первое же слово, которое сорвётся у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом. Их жизнь и смерть в твоих руках! Помни же всё это!

И Фата-Моргана коснулась руки Элизы жгучей крапивой.

Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Был уже светлый день. У самой постели Элизы лежало несколько стеблей крапивы, точь-в-точь как та, которую она видела во сне. Тогда Элиза вышла из пещеры и принялась за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и пальцы её покрывались большими волдырями, но она с радостью переносила боль: только бы спасти милых братьев! Она нарвала целую охапку крапивы, потом размяла её голыми ногами и стала вить длинные зелёные нити.

Когда зашло солнце, в пещеру прилетели братья. Они стали спрашивать сестру о том, что она делала, пока их не было.

Но Элиза не ответила им ни слова. Братья очень испугались, увидя, что сестра их стала немой.

«Это новое колдовство злой мачехи», — подумали они, но, взглянув на руки Элизы, покрытые волдырями, поняли, что она стала немой ради их спасения. Самый младший из братьев заплакал; слёзы его капали ей на руки, и там, куда падала слезинка, исчезали жгучие волдыри, утихала боль.

Ночь Элиза провела за своей работой; об отдыхе она и не думала — она думала только о том, как бы поскорее освободить своих милых братьев. Весь следующий день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинёшенька, но никогда ещё время не шло так быстро. Вот уже одна рубашка была готова, и девушка принялась за следующую.

Вдруг в горах послышались звуки охотничьих рогов. Элиза испугалась. Звуки всё приближались, затем раздался лай собак. Девушка скрылась в пещеру, связала всю собранную крапиву в пучок и села возле него. В ту же минуту из-за кустов выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья. Собаки громко лаяли и бегали взад и вперёд.

Скоро у пещеры собрались все охотники. Самый красивый из них был король той страны: он подошёл к Элизе. Никогда ещё не встречал он такой красавицы!

— Как ты попала сюда, прелестное дитя? — спросил он, но Элиза только покачала головой — она ведь не смела говорить: если бы она сказала хоть одно слово, её братья погибли бы.

Руки свои Элиза спрятала под передник, чтобы король не увидел волдырей и царапин.

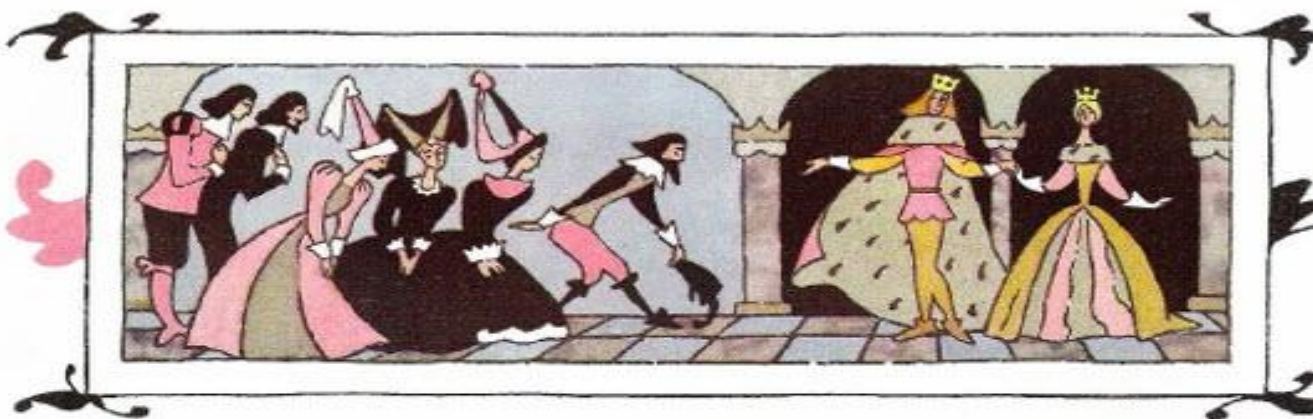

— Пойдём со мной! — сказал король. — Здесь тебе нельзя оставаться! Если ты так же добра, как хороша, я наряжу тебя в шёлк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моём великолепном дворце.

И он посадил её на седло перед собой. Элиза горько плакала, но король сказал:

— Я хочу только твоего счастья. Когда-нибудь ты сама поблагодаришь меня.

И он повёз её через горы, а охотники скакали следом.

К вечеру перед ними показалась великолепная столица короля, с дворцами и башнями, и король ввёл Элизу в свой дворец. В высоких мраморных покоях журчали фонтаны, а стены и потолки были расписаны красивыми картинами. Но Элиза ни на что не смотрела, она плакала и тосковала. Служанки надели на неё королевские одежды, вплели ей в волосы жемчужные нити и натянули на её обожжённые пальцы тонкие перчатки.

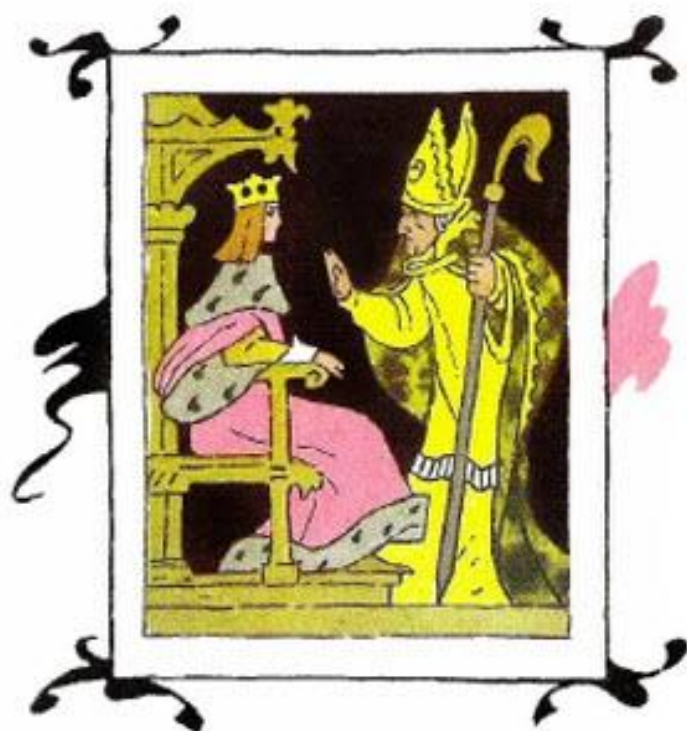

В богатых уборах Элиза была так прекрасна, что весь двор преклонился перед ней, а король провозгласил её своей невестой. Но королевский епископ покачал головой и стал нащёптывать королю, что немая красавица, должно быть, лесная колдунья — она околдовала сердце короля.

Король не стал его слушать, он дал знак музыкантам, велел позвать лучших танцовщиц и подавать на стол дорогие блюда, а сам повёл Элизу через благоухающие сады в великолепные покои. Но Элиза по-прежнему была грустной и печальной. Тогда король открыл дверцу в маленькую комнату возле спальни Элизы. Комната вся была увешана зелёными коврами и напоминала лесную пещеру, где король нашёл Элизу. На полу лежала связка крапивы, а на стене висела сплетённая Элизой рубашка. Всё это, как диковинку, захватил с собой из лесу один из охотников.

— Тут ты можешь вспоминать своё прежнее жилище, — ласково сказал король Элизе. — А вот и твоя работа. Может быть, ты пожелаешь иногда развлечься среди всей окружающей тебя пышности воспоминаниями о прошлом.

Увидев свою крапиву и сплетённую рубашку, Элиза радостно улыбнулась и поцеловала руку короля, а он прижал её к своей груди.

Епископ продолжал нащёптывать королю злые речи, но они не доходили до сердца короля. На другой день сыграли свадьбу. Епископ сам должен был надеть на невесту корону; с досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно, но Элиза даже не заметила этого.

Она всё думала о своих милых братьях. Губы её по-прежнему были сжаты, ни единого слова не вылетало из них, зато в её глазах светилась горячая любовь к доброму, красивому королю, который делал всё, чтобы только порадовать её. С каждым днём она привязывалась к нему всё больше и больше. О, если бы она могла рассказать о своих страданиях! Но она должна была молчать, пока не окончит своей работы.

По ночам она тихонько уходила в свою потайную комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку за другой.

Уже шесть рубашек были готовы, но когда она принялась за седьмую, то увидела, что крапивы у неё больше нет.

Элиза знала, что может найти такую крапиву на кладбище. И вот ночью она потихоньку вышла из дворца.

Сердце её сжималось от страха, когда она пробиралась лунной ночью на кладбище по длинным аллеям сада, а потом по пустынным улицам.

На кладбище Элиза нарвала крапивы и вернулась домой.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел Элизу. Это был епископ.

Утром епископ пришёл к королю и рассказал ему о том, что он видел сегодня ночью.

— Прогони её, король, она злая колдунья! — нашептывал епископ.

— Неправда, Элиза невинна! — ответил король, но всё же сомнение закралось в его сердце.

Ночью король только притворился, что спит. И вот он увидел, что Элиза встала и скрылась из спальни. В следующие ночи повторилось то же самое; король не спал и видел, как она исчезала в своей потайной комнатке.

Король становился всё мрачнее и мрачнее. Элиза видела это, но не понимала, чем недоволен король. Сердце её ныло от страха и от жалости к братьям; на её королевское платье катились горькие слёзы, блестящие, как алмазы, а люди, видевшие её богатые уборы, завидовали ей. Но скоро-скоро конец её работе. Уже десять рубашек были готовы, но на одиннадцатую опять не хватило крапивы. Ещё раз, последний раз, нужно было пойти на кладбище и нарвать несколько пучков крапивы. Она

с ужасом подумала о пустынном кладбище и всё-таки решилась идти туда.

Ночью Элиза опять вышла тайком из дворца, но король и епископ следили за ней, и они увидели, как Элиза скрылась за кладбищенской оградой. Что могла делать королева ночью на кладбище?..

— Теперь ты сам видишь, что она злая колдунья, — сказал епископ и потребовал, чтобы Элизу сожгли на костре.

И король должен был согласиться.

Элизу посадили в тёмное, сырое подземелье, с железными решётками на окнах, в которые со свистом врвался ветер. Ей бросили охапку крапивы, которую она нарвала на кладбище. Эта жгучая крапива должна была служить Элизе изголовьем, а сплетённые ею жёсткие рубашки — постелью. Но ничего другого Элизе и не надо было. Она снова принялась за работу.

Вечером у решётки раздался шум лебединых крыльев. Это самый младший из братьев отыскал свою сестру, и Элиза громко зарыдала от радости, хотя и знала, что ей оставалось жить одну ночь. Зато работа её подходила к концу и братья были тут!

Всю ночь плела Элиза последнюю рубашку. Мыши, бегавшие по подземелью, жалились над ней и, чтобы хоть немножко помочь ей, стали собирать и приносить к её ногам разбросанные стебли крапивы, а дрозд, сидевший за решётчатым окном, утешал её своей песенкой.

На заре, незадолго до восхода солнца, к дворцовым воротам пришли одиннадцать братьев Элизы и потребовали, чтобы ихпустили к королю. Им ответили, что это невозможно: король ещё спал и никто не смел его беспокоить. Но они не уходили и продолжали просить.

Король услышал чьи-то голоса и выглянул в окно, чтобы узнать, в чём дело. Но в эту минуту взошло солнце и братья Элизы исчезли. Король увидел только, как над дворцом взвились одиннадцать диких лебедей.

Народ толпами шёл за город посмотреть на казнь королевы. Жалкая кляча везла телегу, в которой сидела Элиза; на Элизу надели рубаху из грубого холста; её чудные длинные волосы были распущены по плечам, а лицо её было бледно как снег. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук своей работы: десять рубашек лежали у её ног совсем готовые, одиннадцатую она продолжала плести.

— Посмотрите на ведьму! — кричали в толпе. — Она не расстанется со своими колдовскими штуками! Вырвем-ка их у неё, да разорвём в клочки!

Чьи-то руки уже протянулись к телеге, чтобы вырвать у Элизы зелёную рубашку, но вдруг прилетели одиннадцать лебедей. Они сели по краям телеги и шумно захлопали своими могучими крыльями. Испуганный народ расступился в стороны.

— Белые лебеди слетели с неба! Она невинна! — шептали многие, но не смели сказать этого вслух.

И вот палач уже схватил Элизу за руку, но она быстро набросила на лебедей зелёные рубашки, и, чуть только рубашки коснулись их перьев, все одиннадцать лебедей обратились в красивцев принцев.

Лишь у самого младшего вместо левой руки осталось лебединое крыло: Элиза не успела доплести рукав на последней рубашке.

— Теперь я могу говорить! — сказала Элиза. — Я невинна!

И народ, видевший всё, что произошло, преклонился перед ней и стал прославлять её, но Элиза без чувств упала в объятия братьев. Она была так измучена страхом и болью.

— Да, она невинна! — сказал самый старший принц и рассказал всё, как было.

А пока он говорил, в воздухе распространилось благоухание, словно от миллионов роз: это каждое полено в костре пустило корни и ростки, и вот на том месте, где хотели сжечь Элизу, вырос высокий зелёный куст, покрытый красными розами. А на самой верхушке куста блестел, как звезда, ослепительно белый цветок.

Король сорвал его, положил на грудь Элизы, и она очнулась.

Тут все колокола в городе зазвонили сами собой, птицы слетелись целыми стаями, и ко дворцу потянулось такое счастливое шествие, какого не видывал ещё ни один король!

